

VII 13
2

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ

802-17
1967

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ. -6

№№ 13, 14, 15 и 16. -24

Съ приложеніемъ четырнадцати рисунковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ
генераль Вревскій.
(20 августа 1858 г.)

бернии, на лѣтніе сборы квартировавшихъ тамъ 3-го баталіона 21 пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка и 6-й сотни Донскаго казачьяго № 16-го полка, мѣстное населеніе г. Липно пожелало проводить выступающія войска хлѣбомъ-солью. Съ этою цѣлью за два дня до выступления изъ Липно войскъ, представители мѣстнаго управленія устроили для офицеровъ названныхъ частей обѣдъ, на который собралось до 40 человѣкъ.

Кромѣ того въ день выступления войскъ, 27-го апрѣля, липновскіе горожане также пожелали проводить хлѣбомъ-солью и нижнихъ чиновъ выступавшихъ частей и устроили на городской площади угощеніе для солдатъ. По рускому обычаю, предварительно совершено было напутственное молебствіе. Затѣмъ депутаціею горожанъ поднесено нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и пирогу и высказана признательность отъ лица городскихъ жителей за добрыя отношенія къ хозяевамъ.

СОЛДАТСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

КИРГИЗЫ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ съ киргизами, я ознакомился съ ихъ нравами и обычаями и считаю не безполезнымъ подѣлиться съ товарищами своими наблюденіями надъ этимъ кочевымъ народомъ, тѣмъ болѣе,

что послѣ завоеваній русскихъ въ Средней Азіи, совершенныхъ въ послѣднее время, и по присоединеніи многихъ земель разныхъ кочевниковъ азіатскихъ, каждый интересуется знать какъ живутъ и что дѣлаютъ въ Азіи киргизы.

Киргизы—это кочевое азіатское племя, они разсѣяны почти по всей Средней Азіи, начиная съ Сибири, до предѣловъ хивинскаго ханства и далѣе и отъ Урала за западныя границы китайскихъ владѣній. Киргизы изстари дѣлятся на три орды: большую, среднюю и малую *). Средняя орда, какъ по пространству, такъ и по народонаселенію имѣетъ преимущество предъ большою и малою ордами, такъ какъ въ большой ордѣ считается киргизъ 450,000, въ средней же 800,000, а въ малой 380,000. Раздѣленіе это произошло отъ Алача-хана, который, имѣя трехъ сыновей, раздѣлилъ имъ свои владѣнія. Старшій сынъ Уйсюнъ получилъ въ удѣлъ отъ отца пространство земли, занимаемое нынѣшнюю большою киргизскою ордою; отъ него произошло племя *Улюсзъ*, т. е. нынѣшніе киргизы большой орды. Средній сынъ Алача-хана, Аргынъ, сдѣлался властителемъ средней орды; отъ него произошло племя *Артаисзъ*,—это киргизы средней орды. Младшій сынъ, Алчанъ, получилъ малую орду; отъ него произошло племя *Окишюсзъ*,—киргизы малой орды.

Кромѣ того киргизы дѣлятся на множество родовъ или племенъ, и всякій киргизъ знаетъ своего родоначальника.

*) Букѣвская или внутренняя орда, какъ переселенцы изъ поминутыхъ ордъ, не входятъ въ этотъ составъ.

Вообще всѣ киргизы магометане, и жизнь ведутъ кочевую.

Нынѣ киргизы уже не производятъ *баранты*, т. е. наѣздовъ съ цѣлю грабежа, разбоя или мести, и живутъ мирно. А было время, и оно еще не такъ далеко, когда киргизы были такъ смѣлы, что даже рѣшались производить вторженія въ предѣлы русскихъ владѣній, захватывали въ плѣнъ мирныхъ обитателей и продавали ихъ въ неволю. Они отправляли пойманныхъ въ Бухарию, Ташкентъ или Кокакъ, откуда рѣдко кому удавалось уйти на родину. Рѣшительныя мѣры, принятыя противъ киргизъ, въ особенности же поселеніе въ Сибири постоянного войска—казаковъ, послѣдовательно искореняли безпокойный духъ киргизовъ и они при-смирѣли. Съ тѣхъ поръ киргизы, по возможности, старались избѣгать столкновеній съ русскими. Однажды случилось, что небольшой отрядъ казаковъ, изъ 18 человекъ, посланный съ какими-то вѣстями къ султану, (въ Джунгарской степи), вынужденъ былъ остановиться на ночлегъ въ степи; когда стемнѣло, на нихъ напали разбойники—киргизы, которые и успѣли было угнать часть казацкихъ лошадей, но казаки-молодцы послали вслѣдъ своимъ грабителямъ нѣсколько хорошихъ зарядовъ столь удачно, что ссадили до десяти человекъ киргизскихъ всадниковъ. Это навело такой страхъ на грабителей, что они на другой же день явились съ повинною и привели съ собою украденныхъ лошадей, извиняясь тѣмъ, что приняли казаковъ за проѣзжихъ купцовъ. Вообще молодечество и неустрашимость казаковъ много способствовали къ устрашенію киргизовъ. Иногда одинокій казакъ удачно отбивался

отъ цѣлой партіи киргизъ. И теперь еще живъ одинъ казакъ, которому довелось защищаться одному отъ шайки киргизскихъ разбойниковъ. Казаку этому теперь около 85 лѣтъ, вотъ какъ рассказываетъ онъ свое столкновеніе съ киргизами.

«Съ двумя товарищами я былъ на охотѣ у Баркараллы, и отсталъ отъ нихъ, чтобы преслѣдовать большаго марала. Я нашелъ животное, поймалъ его, выпотрошилъ, привязалъ къ лошади и потихоньку поѣхалъ по узкому ущелью, ведущему къ степи. Не болѣе какъ въ 300 шагахъ отъ выхода изъ ущелья я увидѣлъ, что на поворотѣ расположилась толпа киргизскихъ разбойниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на землѣ, другіе стояли у лошадей. Какъ скоро мошенники замѣтили меня, они вскочили на сѣдла и ухватились за оружіе. Я повернулъ свою клячу, и какъ можно скорѣе поскакалъ; а чтобы уменьшить грузъ, разрѣзалъ поспѣшно ремни, удерживавшіе марала. Я зналъ, что всетаки мнѣ верхомъ отъ этихъ разбойниковъ уйти нельзя, тѣмъ болѣе, что моя лошадь была уже утомлена, а преслѣдователи скакали на отличныхъ коняхъ. Каждую минуту они приближались все болѣе и кричали точно черти. Тутъ къ счастью я замѣтилъ по правую сторону отъ меня разсѣлину въ скалѣ, и поспѣшно повернулъ въ нее. Она была такъ тѣсна, что въ нее конному или пѣшему можно было войти не иначе, какъ гуськомъ. Разсѣлина, сверхъ того, была до того крута, что мнѣ пришлось спѣшиться и вести лошадь за поводъ. Нѣсколько далѣе, скалы составляли естественную крѣпость. Я направился къ разсѣлинѣ и благополучно добрался до нее. Въ моемъ укрѣпленіи я видѣлъ передъ собою разсѣлину на протяженіи

выстрѣла, и могъ положить перваго, кто осмѣлился бы войти въ нее, а для втораго успѣлъ бы еще зарядить ружье. Разбойники подошли ко входу въ трещину, и увидѣвъ меня наготовѣ, остановились и принялись грозно кричать. Они отошли далѣе ружейнаго выстрѣла и, казалось, совѣщались, какъ бы добратся до меня съ тыла. Я сталъ внимательно смотрѣть на скалы, которыя были у меня по сторонамъ. Прошло съ полчаса тихо, киргизы не шелохнулись; вдругъ съ боку ко мнѣ подкатился камень, и я увидѣлъ двухъ разбойниковъ, которые, какъ кошки, лѣзли по скалѣ и прятались за камнями; они хотѣли добратся къ мѣсту надъ моею крѣпостью. Я крикнулъ имъ: «Берегитесь! Вы думаете, что поймали меня, какъ куницу въ норѣ; смотрите, чтобы она вамъ не укусила пальцевъ!» Другіе разбойники внизу въ ущельѣ принялись кричать, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ нападающихъ съ боку. Вотъ изъ-за одного камня показалась рука, а вскорѣ голова и глазъ одного изъ мошенниковъ, смотрѣвшаго на меня лишь мгновеніе; но для меня и того было достаточно. Я спустилъ курокъ и разбойникъ скатился въ ущелье. Онъ упалъ не далеко отъ товарищей, которые подняли и унесли его, а другой киргизъ уползъ осторожнѣе, чѣмъ подползъ. Если бы я увидѣлъ его на мгновеніе, то онъ непременно бы послѣдовалъ за товарищемъ. Тогда киргизы принялись страшно кричать, но ничего не предприняли.

«Они убѣдились, что пули мои кусаются больно. Мошенники поставили у входа въ расщелину сторожа, который неспускалъ съ меня глазъ. По всему видно было, что они хотѣли невыпускать меня и заморить голодомъ.

Я между тѣмъ набилъ себѣ трубку и курилъ, имѣя подъ рукою наготовѣ винтовку и раздумывая, что мнѣ дѣлать, и рѣшилъ что всего лучше обождать ночи и, пользуясь темнотою, пойти выше и убѣжать. Я выкурилъ уже нѣсколько трубокъ, и принимался набивать новую, какъ замѣтилъ, что мошенники стали что-то живѣе шевелиться. Нѣкоторые прискакали изъ долины, за ними слѣдовали другіе, и вскорѣ послѣ того я услышалъ выстрѣлъ и догадался, что по близости находятся мои товарищи и нападаютъ на сволочь. Я тотчасъ рѣшился сдѣлать вылазку, чтобы помочь имъ, и поспѣшилъ къ входу расщелины для нападенія на бѣгущихъ киргизовъ съ боку. Одинъ изъ нихъ только проскакалъ мимо меня; вотъ несется и другой. Бацъ! я выстрѣлилъ, и лошадь захромала и повалилась вмѣстѣ съ всадникомъ. Мои товарищи крикнули «ура!» и я тотчасъ подскакалъ къ нимъ. Они ранили одного изъ киргизовъ, которые поспѣшно усакали, потому что не знали, сколько насъ находится по близости».

Такъ-то распоряжались казаки съ кочевниками-киргизами. Послѣ завоеванія Туркестанской области и похода въ Хиву, кочевники успокоились, и нынѣ не слышно ужъ болѣе, чтобы киргизы отважились нападать на русскихъ.

Киргизы живутъ аулами, всякій аулъ имѣетъ своихъ старшинъ, къ которымъ киргизы обращаются, какъ къ посредникамъ въ разныхъ ссорахъ, а также и за совѣтами въ разныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Киргизы вообще любятъ какія бы то ни было дѣла рѣшать своимъ національнымъ судомъ. У нихъ существуютъ

два суда: *шарагатъ*—это судъ по карану и *адетъ*—народный судъ (судъ по обычаю).

Жилищемъ киргизу служить кошомная юрта; это походный его домъ; онъ живетъ въ немъ и зиму и лѣто. Зимой юрты обстанивливаютъ щитами изъ камыша или тальниковымъ плетнемъ, для того, чтобы сильные, степные вѣтры съ снѣжными мятелями (бураны) не проникали въ походныя, незатѣйливыя жилища степняковъ; впрочемъ, многіе киргизы имѣютъ на зимнее время землянки, а богатые и дома; въ Акмолинской области я встрѣчалъ даже и небольшія селенія. Киргизы вообще весьма терпѣливо переносятъ и лѣтній зной и зимнюю стужу.

Одежда киргизъ не разнообразна, и хорошо приспособлена къ климатическимъ условіямъ обитаемой ими страны. Зимой киргизъ носитъ *тонъ*¹⁾, лѣтомъ *чапалъ*²⁾, а въ сильные жары ходитъ въ одномъ *жидѣ*³⁾ *чембары*⁴⁾ и *тмакъ*⁵⁾. Вотъ и весь киргизскій нарядъ. Одежда женщинъ очень мало отличается отъ одежды мужчинъ, за исключеніемъ головного убора, который отличенъ отъ мужскаго.

Пищу киргизовъ составляетъ преимущественно мясо. Вотъ наиболѣе употребительныя киргизскія кушанья: вареная баранина, кавардакъ¹⁾, куше²⁾, сурпа³⁾, куртъ⁴⁾, ремчикъ⁵⁾; богатые также готовятъ пловъ изъ риса съ бараниною, въ каждый кла-

1) Бараний тулупъ. 2) Халатъ. 3) Жидѣ, длинная, особаго покроя рубашка, какія носятъ вообще татары. 4) Это широкія шаровары, выдѣлываемыя изъ козлиной или бараньей шкуры. 5) Тмакъ головной уборъ (малахай).

1) Рубленое мясо, которое жарятъ въ маслѣ, и въ бараньемъ салѣ.

2) Жидкая похлебка изъ муки, часто съ примѣсью прѣснаго молока.

дутъ урыкъ, кишмишъ, каринку и приправляютъ разными пряностями. Коровье и козье молоко и аеранъ¹⁾ и, наконецъ, кумысъ, составляютъ любимѣйшія питья для киргизъ. Кумысъ, приготовляемый изъ кобыльаго молока, весьма питателенъ, киргизы отъ него полнѣютъ, а больные, истощенные болѣзнями, дѣлаются отъ кумыса здоровыми или получаютъ облегченіе отъ болѣзней.

Киргизы очень гостепріимны, зайдите въ любую киргизскую юрту, а въ особенности, если хотя не много знаешь по киргизски, то ни одинъ киргизъ не отпуститъ васъ не угостивши.

Кромѣ киргизъ я живалъ среди татаръ, сартовъ¹⁾, калмыковъ²⁾, дунганъ и таранчей³⁾; былъ знакомъ со многими персіянами, армянами и даже китайцами, но ни у кого не встрѣчалъ такого радушнаго гостепріимства какъ у киргизъ. Зайдите вы къ бѣдному киргизу, попросите у него пищи или ночлега и все готово къ вашимъ услугамъ, что только можетъ предложить вамъ хозяинъ по своему состоянію. Взойдите и къ богатому киргизскому султану, и тотъ, не смотря на знатность своего рода и окружающія его роскошь

3) Супъ — бульонъ. 4) Сырчикъ, вкусомъ похожій на зеленый сыръ.

5) Сыръ. 6) Простокваша.

1) Сартами называютъ себя коренные жители Ташкента. 2) Въ шестидесятыхъ годахъ, множество китайцовъ и калмыковъ, проживавшихъ по окраинамъ Китайской имперіи, вслѣдствіе возстанія на нихъ дунганъ и таранчей, перешли Китайскую границу и искали защиты и покровительства у русскаго правительства. Многія изъ нихъ приняли христіанскую вѣру, и навсегда остались въ предѣлахъ Россіи. 3) Дунганъ и таранчей очень много проживаетъ въ Туркестанскомъ Генераль-Губернаторствѣ, въ особенности послѣ взятія русскими войсками Кульджи.

и богатство, не погнушается кого бы ни было принять, обласкать, угостить и даже снабдить необходимымъ въ дальнѣйшій путь. Таковъ ужъ у киргизъ обычай, который переходитъ у нихъ изъ рода въ родъ.

Киргизы ведутъ торговлю преимущественно мѣновую, какъ и большая часть азіатскихъ народовъ. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются; причиною этому неплодородность почвы населяемой киргизами земли, недостатокъ въ водѣ, неудобство кочевой жизни для занятія хлѣбопашествомъ. Ведя осѣдную жизнь, киргизъ не въ состояніи былъ бы на одномъ мѣстѣ прокормить свои многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей, составляющія главное богатство киргиза.

Киргизы не имѣютъ своей исторіи, какъ другіе народы; у нихъ вся исторія состоитъ изъ преданій весьма неотдаленнаго времени и притомъ очень часто сбивчивыхъ и даже разногласныхъ. Книгъ для чтенія у киргизовъ также нѣтъ, киргизы любятъ пѣть, но пѣсенъ у нихъ не имѣется и всякій киргизъ поетъ то, что ему придетъ на мысль, подбирая слова безъ всякой связи. Везетъ ли васъ степною дорогою киргизъ-ямщикъ, онъ поетъ пѣсню; попадетъ ли вамъ на встрѣчу киргизъ, онъ тоже поетъ; но спросите его, откуда онъ взялъ эту пѣсню, кто ему ее передалъ? Да просто никто, онъ поетъ пѣсню и вмѣстѣ съ тѣмъ складываетъ ее. Нѣкоторые изъ киргизовъ въ пѣсняхъ своихъ воспѣваютъ набѣги, восхваляютъ силу и славу своихъ предковъ, свѣжесть горныхъ водъ и красоту степей.

Самая любимѣйшая изъ народныхъ забавъ у кир-

гизъ это *байга*. Байгу преимущественно дѣлаетъ высшее начальство. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть киргизскую байгу, напримѣръ, въ городѣ Омскѣ. Байга дѣлается по приказанію военного генералъ-губернатора Западной Сибири, въ Акмолахъ; я видѣлъ байгу, которую дѣлаетъ военный губернаторъ Акмолинской области, по приѣздѣ своемъ въ Акмолу для инспектированія расположенныхъ тамъ войскъ, а въ Туркестанскомъ округѣ я видѣлъ байгу въ городѣ Капалѣ, которую дѣлалъ военный губернаторъ Семирѣческой области. Главною забавою на байгѣ бываетъ конская скачка (бѣгъ), а также лазанье на высокій шестъ, на вершину котораго кладется разная киргизская одежда, даже деньги. Для киргизскихъ женщинъ разставляютъ баки съ кислымъ молокомъ, на дно которыхъ кладутся мелкія серебряныя монеты, которыя киргизски, закинувъ назадъ руки, достаютъ языкомъ. Всѣ эти игры національныя, киргизскія и ихъ бываетъ на байгѣ очень много, а кромѣ того дѣлаютъ угощенье, состоящее изъ вареной баранины, молока и даже кумыса.

Байгу дѣлаютъ также и султаны киргизскіе для потѣхи бывшихъ своихъ подданныхъ, и даже устраиваютъ байгу сами киргизы въ извѣстные праздничные дни,—и не смотря на многочисленность собирающихся на байгу киргизъ, всегда почти праздникъ кончается благополучно, а это собственно отъ того, что киргизы не пьютъ ни вина, и никакихъ горячительныхъ напитковъ.

Киргизы племя очень смышленное, быстро понимаютъ то, что имъ объяснять и охотно усваиваютъ обычаи

русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это кочевое племя, просвѣщенное вѣрою христіанскою, оставить свои дурныя привычки, склонность къ грабежу и захвату чужаго имущества и въ послѣдствіи сдѣлается мирнымъ и трудолюбивымъ племенемъ.

Николай Кулевскій.

(Старшій писарь 148-го пѣхотнаго Каспійскаго полка).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

- Отд. I. Слово, сказанное архимандритомъ Евгеніемъ надъ могилами Севастопольцевъ.** (Въ день памяти о славной оборонѣ Севастополя). **Просвѣтителі славянъ**, Святые равноапостольные Кирилль и Меѳодій. (*Окончаніе*). Преслѣдованіе латынянами и нѣмцами Моравскихъ славянъ.—Мученія учениковъ Св. Меѳодія и изгнаніе ихъ изъ Моравіи.—Усиленіе латынства, уничтоженіе Православныхъ храмовъ и сожженіе славянскихъ книгъ.—Благіе плоды дѣятельности Св. Кирилла и Меѳодія. (Съ 1 рис.) *Н. Половецъ.* 1
- Отд. II. Петръ-преобразователь.** (Историческій очеркъ). (Съ 1-мъ рис.). *М. Терминовъ* 3
- Экспедиція въ общества Анцухъ и Анкратль и походъ въ Дидо, въ землѣ Лезгинъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вревскаго.** (Съ 22 іюня по 28 августа 1858 года). Сборы къ походу.—Движеніе войскъ къ Анцуху.—Штурмъ высотъ Гарухъ-Меэръ.—Взятіе Анцуха и раззореніе 23 ауловъ.—Движеніе войскъ къ Анкратлю.—Взятіе укрѣпленій Чумахло.—Раззореніе ауловъ обществъ Анцроссо, Ухнады и Богнады.—Изъявленіе жителями разныхъ обществъ покорности Русскому правительству.—Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ генераль Вревскій.—Походъ въ Дидо и раззореніе ауловъ Дидойскаго общества.—Благія послѣдствія экспедиціи, предпринятой генераломъ Вревскимъ. (Съ 1-мъ рис.). 10

802-17

1963

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

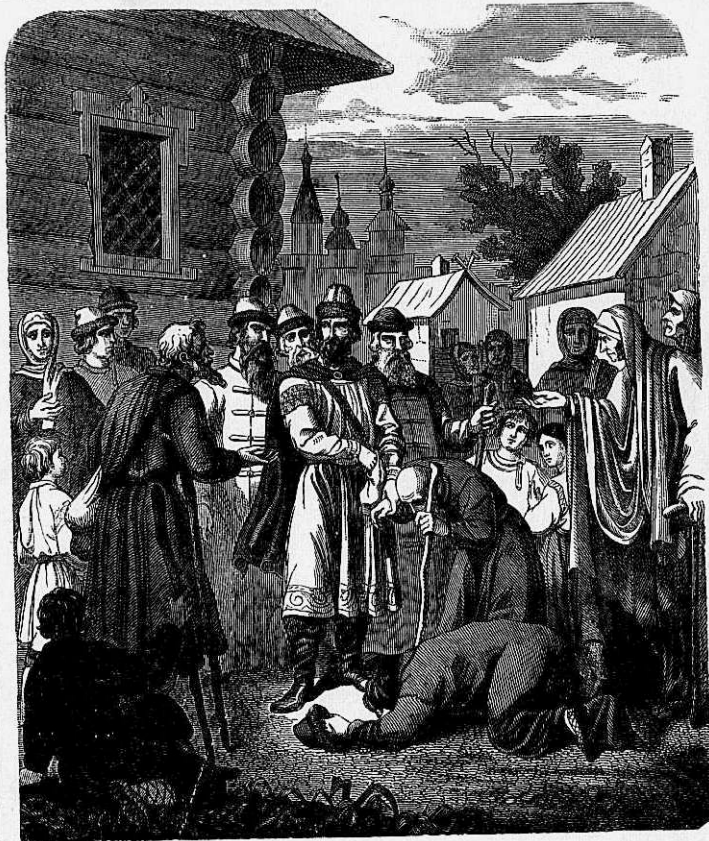
ЕНИИКА ВТОРАЯ.

№ № 5, 6, 7 и 8.

Съ приложеніемъ пяти рисунковъ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИВАНЪ КАЛИТА РАЗДАЕТЪ МИЛОСТЫНЮ НАРОДУ.

(въ стр. 88 .)

СОЛДАТСКИЙ СОБЕСЪДНИКЪ.

Набѣги хищныхъ Киргизовъ въ Туркестанской области (1).— Разсказъ управляющаго золотопромысловою партіею о плѣнѣхъ у Коканцевъ (2).—Памятникъ князю Воронцову въ Тифлисѣ (3).—Восмидесятисемилѣтній воинъ Яковъ Григорьевъ (4).—Пожертвованіе Донскихъ казаковъ въ память въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича (5).—Обращеніе Уральскихъ казаковъ: Жирнова, Пономарева и Кошечкина изъ старообрядства въ православіе (6).—Пріютъ для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ (7).—Человѣколюбивые подвиги (8).

1) Много разъ уже говорили мы въ нашемъ Собесѣдникѣ о борьбѣ русскихъ войскъ съ Коканцами и Бухарцами въ отдаленномъ Туркестанскомъ краѣ. Теперь съ Бухарцами временно заключенъ миръ, и правитель (эмиръ) Бухарскій обязался не тревожить русскихъ владѣній въ въ Туркестанѣ. Но Русскіе знаютъ по опыту, что невозможно вѣрить вполне обѣщаніямъ Бухарцевъ. Война съ азіатскими народами не то, что война съ образованными, европейскими государствами; если Бухарцы и заключили въ настоящее время съ Русскими миръ, то нѣтъ сомнѣнія, что они нарушатъ его при первомъ, удобномъ случаѣ. Кромѣ того, во владѣніяхъ Бухарскаго эмира и Коканскаго хана обитаетъ много кочевыхъ народовъ, надъ которыми ханы и эмиры не имѣютъ почти никакой власти. Эти кочевники—Киргизы непрерывно нападаютъ на купеческіе караваны, партіи золотопромышленниковъ и горнорабочихъ, и даже на небольшіе военные отряды. Для нихъ грабежъ и баранта—дѣло привычное!

2) Приведемъ разсказъ управляющаго золотопромысловою партіею, г. Лебедева, который былъ захваченъ въ плѣнъ

кочевыми Киргизами и нѣсколько недѣль пробылъ плѣнникомъ въ Коканѣ, главномъ городѣ Коканскаго ханства.

Г. Лебедевъ, отыскивая золотоносные россыпи, случайно зашелъ съ партіею рабочихъ въ верхнюю долину рѣки Чаткала, иначе называемой—Чирчикомъ. Онь надѣялся встрѣтить тамъ другой отрядъ, посланный для отысканія лѣса, нужнаго на казенныя постройки. Это было 15 іюля прошлаго, 1866 года; въ то время, когда Лебедевъ съ своею партіею рабочихъ прибылъ въ долину рѣки Чаткала, русскій отрядъ уже выступилъ оттуда далѣе. Не зная навѣрное, по какому направленію двинулся отрядъ, г. Лебедевъ отправилъ находившагося при партіи Ташкентца и русскаго рабочаго развѣдать о томъ подробнѣе, а самъ, съ остальными десятью рабочими, расположился бивуакомъ подъ крутымъ яромъ, на берегу рѣчки.

Не долго пришлось отдыхать г. Лебедеву съ его рабочими! Часа черезъ два нагрянулъ на нихъ неожиданно отрядъ коканскихъ Киргизовъ, человекъ до 300, подъ предводительствомъ киргизскаго *бія* или старшины. Очевидно было, что этотъ отрядъ посланъ самимъ ханомъ, потому что при отрядѣ находилась даже пушка и знамя. Нѣсколько Киргизовъ погнались было за лошадьми, которыхъ паслись на полянѣ, близъ ущелья, но тутъ они неожиданно встрѣтились съ Ташкентцемъ и русскимъ рабочимъ, посланными для отысканія отряда. Ташкентецъ выстрѣломъ изъ пистолета сшибъ съ лошади одного Киргиза, а остальные тридцать Киргизовъ, испуганные этимъ выстрѣломъ, поспѣшно скрылись (въ первое, попавшееся ущелье).

Такъ двое рабочихъ отразили нападеніе *тридцати* Киргизовъ. Однако медлить было нечего! Рабочіе захвати-

ли лошадей, оставшуюся послѣ раненаго Киргиза, и поспѣшно поднялись на гору. Оттуда они увидѣли, что вся партія г. Лебедева окружена шайкою Киргизовъ; пламя и дымъ отъ заженной травы густымъ столбомъ поднималось въ воздухъ. Партіи Лебедева не было уже никакой возможности избавиться отъ плѣна или истребленія. Двое рабочихъ съ горестію смотрѣли съ горы на своихъ несчастныхъ товарищей, которымъ они ничѣмъ не могли помочь, и сами должны были ежеминутно опасаться новой встрѣчи съ хищниками.

Дѣйствительно: Киргизы, оправившись отъ испуга, повсюду начали розыскивать двухъ храбрецовъ, и нѣсколько разъ проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ они скрывались. Къ счастью, опасность миновалась благополучно, и двое рабочихъ успѣли наконецъ присоединиться къ отряду, который они отыскивали, и уведомили о несчастномъ положеніи партіи г. Лебедева, окруженной шайкою Киргизовъ... Въ это время г. Лебедевъ и его рабочіе уже находились въ плѣну у Киргизовъ!

Киргизы застали партію Лебедева совершенно въ расплохъ; нѣсколько Киргизовъ погнались за лошадьми, другіе начали зажигать траву, а остальные съ крутаго берега поражали рабочихъ выстрѣлами. Вскорѣ Лебедевъ былъ раненъ пулею въ ногу. Рабочіе—большею частію Ташкентцы—убѣждали его сдаться, что онъ и сдѣлалъ, видя свое безвыходное положеніе. Въ нѣсколько минутъ хищники ограбили партію, раздѣли плѣнниковъ до нага, перевязали имъ назадъ руки ремнями и арканами, потомъ связали попарно за шею, и повели съ собою. Переправясь въ бродъ черезъ рѣчку, Киргизы привязали плѣнниковъ къ сѣдламъ такъ крѣпко, что они едва выносили мучитель-

ную боль. Черезъ нѣсколько времени однако же Киргизы отвязали ихъ отъ сѣделъ, и погнали въ гору босыхъ, по колючимъ растеніямъ и острымъ камнямъ. Кровь струилась изъ ногъ несчастныхъ, солнце жгло ихъ обнаженною тѣло... Иные падали въ изнеможеніи отъ нестерпимой боли и жару, и несмотря на страданія несчастныхъ, Киргизы погоняли ихъ палками и нагайками. На всѣ просьбы объ отдыхъ и объ утоленіи жажды, Киргизы отвѣчали насмѣшками, бранью и побоями. Больше всего доставалось Ташкентцамъ, на которыхъ Киргизы злобились за ихъ дружбу съ Русскими; Лебедеву же они дали рубашку, и какую-то дырявую, жесткую обувь.

На первомъ привалѣ Киргизы начали дѣлить ограбленное и допрашивали плѣнныхъ: кто они, и зачѣмъ зашли въ горы? Нѣкоторымъ Киргизамъ досталась при дѣлѣжѣ желѣзная, луженая кухонная посуда, которую болѣе сметливые Киргизы выдали своимъ товарищамъ за серебряную, утверждая, что самъ Лебедевъ признаетъ ее таковою. Когда же Лебедевъ не подтвердилъ этаго, то Киргизы подняли такой шумъ и брань, что дѣло чуть не дошло до драки. Однако же черезъ нѣсколько времени хищники помирились, и снова начались распросы и дѣлежъ награбленнаго имущества. Киргизы нѣсколько разъ заставляли Лебедева читать книги, захваченные въ числѣ имущества партіи, и курить сигары, желая знать, какъ Русскіе читаютъ и курятъ. Иные одѣвались въ платье Лебедева, и расхаживали передъ нимъ, насмѣхались надъ несчастными плѣнниками.

Наконецъ, окончивъ дѣлежъ добычи, и насмѣявшись вдоволь надъ плѣнниками, Киргизы начали совѣщаться между собою, что имъ дѣлать съ плѣнниками. Иные совѣто-

вали всѣхъ ихъ истребить, а головы, по обычаю, отправить къ коканскому хану, какъ доказательство одержанной победы. Другіе утверждали, что плѣнниковъ должно отправить живыми въ Коканъ, и что ханъ выдастъ въ награду—за Лебедева 70, а за рабочихъ по 40 золотыхъ монетъ (тилле). Совѣтомъ рѣшились на послѣднее, и погнали плѣнниковъ въ Коканъ. Въ продолженіи пути Киргизы убѣждали Лебедева и его рабочихъ сказать хану, что Русскихъ было не 10 человекъ, а 200, и что остальные спаслись бѣгствомъ, изъ страха предъ силою и воинственностью Киргизовъ. Киргизы хотѣли увѣрить хана, что они разбили тотъ русскій отрядъ, который былъ посланъ для рубки лѣса.

Наконецъ Киргизы прибыли съ своими плѣнниками въ аулъ; множество народа окружило несчастныхъ, изнемогающихъ отъ голода и усталости; ихъ съ любопытствомъ осматривали, заставляли ходить, садиться, читать книги, курить сигары. Не разъ случалось, что къ плѣнникамъ подходилъ какой нибудь *мулла* (духовное лице), и размахивая плетью, уговаривалъ принять мусульманскую вѣру. Видя, что угрозы и побои не страшатъ плѣнниковъ, Киргизы старались ласками и увѣщаніями убѣдить ихъ къ принятію магометанства. Они говорили, что за это имъ будутъ даны хорошіе халаты, много пилава, (*) нѣсколько женъ, и ханъ приметъ ихъ въ свою службу сарбазами (солдатами). Разумѣется, плѣнники не поддавались и на эти убѣжденія. Въ каждомъ аулѣ и селеніи повторялись эти угрозы и увѣщанія; иногда, для потѣхи народа, плѣнниковъ сажали на кровлю сакли, и толпа

(*) *Пилавъ*, т. е. ларенный рисъ, смѣшанный съ мелко изрубленною бараниною—любимое кушанье азіатскихъ народовъ.

тѣснилась кругомъ ихъ, разсматривая, съ любопытствомъ какъ будто какихъ нибудь невиданныхъ звѣрей. Трудно и пересказать все, что вынесли несчастные плѣнники въ это тяжелое время!

Когда плѣнниковъ привели въ Коканъ, шествіе сдѣлалось торжественнымъ. Сначала повели лошадь Лебедева, за нею шелъ самъ Лебедевъ, а за нимъ вели по-парно рабочихъ, связанныхъ за шею. Улицы и кровли домовъ были усыяны народомъ; почетныя лица города, въ своихъ богатыхъ чалмахъ, тѣснились на ряду съ простыми Сартами и Киргизами. Даже женщины, вопреки строгимъ уставамъ своей вѣры, стояли съ открытыми лицами на кровляхъ своихъ домовъ. Вездѣ раздавались крики: «бара кильде!»—воинскій крикъ, на подобіе русскаго «ура».

Но даже и между мусульманскимъ, враждебнымъ для Русскихъ, населеніемъ Кокана, нашлись добрые, сострадательные люди, которые съ сожалѣніемъ глядѣли на несчастныхъ плѣнниковъ; они подавали имъ милостыню мѣдными чеками (монетами), не смотря на то, что за этотъ поступокъ они могли подвергнуться преслѣдованію отъ своихъ соотечичей—мусульманъ. Впослѣдствіи, освободясь изъ плѣна, несчастные плѣнники со слезами благодарности вспоминали объ этой милостынѣ и участіи. Ихъ утѣшала мысль, что не всѣ жители Кокана враждебно глядѣли на нихъ, что есть и между коканскими мусульманами добрые и честные люди!

Наконецъ плѣнниковъ привели ко дворцу хана, и чрезъ нѣсколько времени ввели въ пріемную горницу; но самъ ханъ не вышелъ къ нимъ, а поручилъ своему коменданту осмотрѣть ихъ и разспросить: кто они и откуда? Послѣ того плѣнныхъ отвели во дворъ, и развязали имъ

руки. Толпа любопытныхъ тѣснилась и во дворѣ хана, но ихъ скоро разогнали нагайками. Несчастные плѣнники со страхомъ ожидали рѣшенія своей участи: еще не было примѣра, чтобы когда либо плѣнные, захваченные Коканцами, оставались въ живыхъ или возвращались на родину. Однако же вскорѣ комендантъ, возвратясь изъ дворца, успокоилъ ихъ ласковымъ привѣтомъ, и приказалъ подать плавку, дынь и чаю. Несчастные плѣнники, которые уже нѣсколько дней ничего не ѣли, могли теперь хотя нѣсколько утолить томившій ихъ голодь. Но ихъ участь все еще оставалась нерѣшенною.

Подъ вечеръ плѣнниковъ привели на другой дворъ и посадили рядомъ на кошму. Несчастные со страхомъ ожидали смертнаго приговора. Какова же была ихъ радость, когда комендантъ, выйдя къ нимъ, объявлялъ, что ханъ, находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ генераломъ Романовскимъ, — (военнымъ губернаторомъ Туркестанской области), приказалъ нанять двѣ арбы (телеги), для доставки плѣнниковъ до перваго русскаго пикета. Освобожденнымъ плѣнникамъ выдали по халату, и по 13 кокановъ, т. е. на наши деньги — по 2 р. 60 к. каждому. Это была такая милость, какой въ Коканѣ никто и не ожидалъ! Очевидно, что коканскій ханъ боялся задержать русскихъ плѣнныхъ или причинить имъ какое нибудь насиліе; онъ былъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ Русскіе отомстили бы за смерть или плѣнъ своихъ единоплеменниковъ.

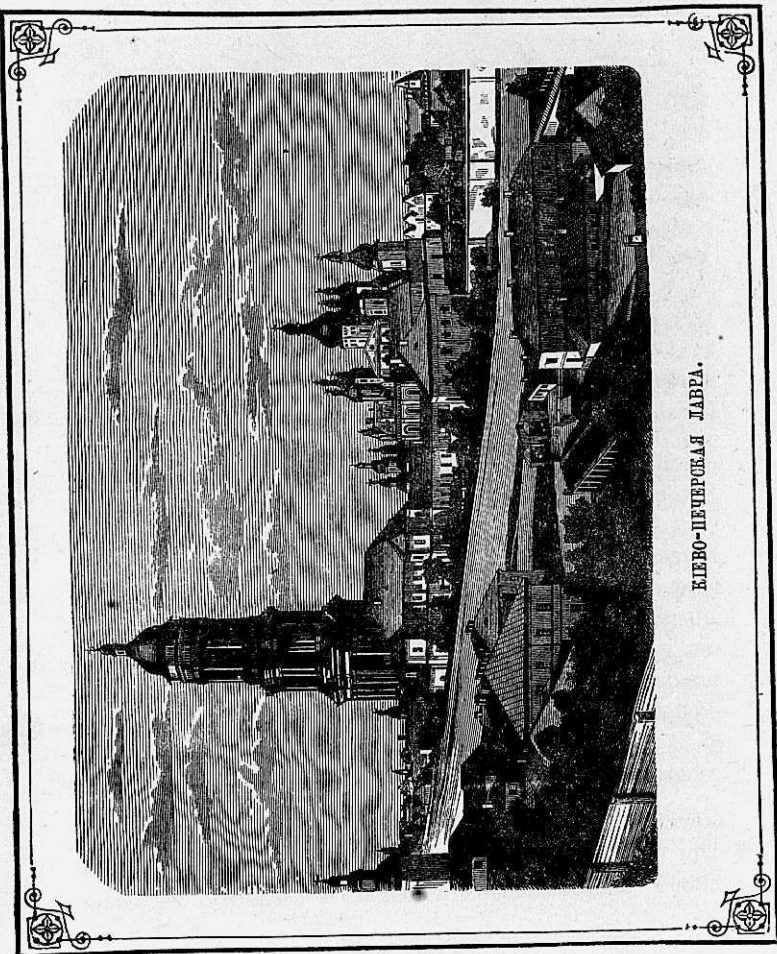
25-го іюля плѣнники благополучно прибыли въ Ташкентъ, и были радостно встрѣчены своими товарищами, не ожидавшими увидѣть ихъ въ живыхъ.

Прощаясь съ Лебедевымъ, ханъ пожалъ ему руку, и просилъ прислать списокъ всего ограбленнаго имущества,

обѣщаясь развѣсать грабителей и отнять у нихъ незаконную добычу. Однако же это обѣщаніе такъ и осталось неисполненнымъ!

Туркестанская область — край благодатный! Здѣсь можетъ быть добываемо золото и серебро, мѣдь, желѣзо, каменный уголь, много шелку и хлопчатой бумаги. Но промышленность въ Туркестанскомъ краѣ можетъ развиваться только съ присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ Кокана, Намангана и другихъ, остальныхъ городовъ Коканскаго ханства, гдѣ хищники и грабители всегда находятъ безопасный пріютъ. Сами мѣстные жители, Сарты — земледѣльцы рады водворенію Русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ. Они говорятъ: «Русскіе лучше Коканцевъ; хоть они насъ и завоевали, однако же ничего не берутъ у насъ даромъ, и не обижаютъ никого; когда же мы были подъ властью хановъ, такъ, ложась спать, не знали: уцѣлѣютъ ли завтра наши головы, будетъ ли цѣло наше имущество!» Оттого-то Сарты и встрѣчаютъ повсюду Русскихъ дружески и съ радостіемъ. Одинъ 70-лѣтній старикъ Сартъ, узнавъ, что осенью многія служащія лица возвращаются изъ Туркестанской области въ Петербургъ, нарочно пріѣхалъ въ Ташкентъ, и просилъ взять его съ собою, чтобы посмотрѣть ему на Бѣлаго Царя, милостиваго Освободителя.

³⁾ Пройдетъ лѣтъ десять или пятнадцать, и обширный Туркестанскій край сдѣлается такою же мирною и богатою областію Россіи, какъ и Закавказскій край, столь долгое время страдавшій отъ опустошительныхъ набѣговъ Горцевъ, Турокъ и Персіянъ. Только русское правительство могло своими неунынными трудами и заботами распространить благоденствіе въ раззоренномъ и угнетенномъ краѣ. Оттого-то въ Грузіи и вспоминаютъ съ любовью и уваженіемъ

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ЕНИЖКА ПЯТАЯ.

№ № 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ пяти рисунковъ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

надъ окраинною солнца только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потому что луна, заслонивъ собою солнце, вскорѣ заслоняетъ также и солнечныя облака.

При полномъ солнечномъ затмѣніи, на землѣ наступаетъ совершенная темнота; продолжается она весьма недолго, не болѣе двухъ минутъ, но и въ это короткое время всѣ, даже и приготовившіеся къ ученымъ наблюдениямъ, бываютъ поражены какимъ-то невольнымъ страхомъ и благоговѣніемъ. Величіе этого явленія природы невольно обращаетъ мысль каждаго къ Богу, такъ дивно устроенному все во вселенной. Когда же послѣ темноты, продолжавшейся нѣсколько минутъ, земля вновь озаряется лучами солнца, всѣ чувствуютъ радость, и постепенно успокоиваются послѣ тяжелаго, гнетущаго ощущенія. И въ природѣ все словно бы оживаетъ въ это время. Птички, замолкнувшія при началѣ затмѣнія, снова начинаютъ радостно летать и щебетать. Наступившая внезапно прохлада смѣняется по прежнему живительною теплотою солнечнаго сіянія. Все принимаетъ постепенно прежній видъ, предается прежней дѣятельности, какъ было и до начала затмѣнія, и только въ душѣ наблюдателя остается благоговѣніе и теплая молитва къ Творцу, Создателю вселенной.

Ю. Марковъ.

Содержаніе № 14—го.

	Стр.
Отд. II. Донскіе казаки.	27.
Изъ боевой кавказской жизни.	35.
Отд. III. Очерки южнаго края Россіи. <i>Ю. Марковъ</i>	40.
Волжскіе породы Башкиры. <i>А. На-евъ.</i>	51.
Полезныя и вредныя насѣкомыя.	60.
Солнечныя затмѣнія. <i>Ю. Марковъ.</i>	65.

ОТДѢЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НЕЖДАННЫЙ НАБѢГЪ.

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на правомъ, отлогомъ берегу Урала, отдыхали рыболовы-севрюжники. Это были рыболовы *отсталые*; главная же толпа Уральцевъ, выѣхавшихъ на рыболовство, или, такъ называемое, *войско*, рыбачила далеко внизъ по теченію Урала, верстахъ въ 50 отъ отсталыхъ.

День былъ праздничный, а потому рыболовы отдыхали на свободѣ. Они расположились артелями на берегу, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, на косогорѣ. Лошади казачьи паслись по «гривамъ», т. е. возвышеннымъ мѣстамъ, не затопленнымъ водою, которая еще оставалась кое гдѣ по дугамъ и низминамъ, послѣ весенняго водополья. Казаки оставили своихъ лошадей безъ всякаго призора, понадеясь на шикеты, разставленные за Ураломъ, для предупрежденія нечаянныхъ набѣговъ Киргизовъ.

Во многихъ мѣстахъ по берегу были разложены костры, на которыхъ казаки готовили себѣ обѣдъ. Кто варилъ уху изъ налимовъ, кто стряпалъ пельмени съ осетриной или жарилъ въ горячей волѣ небольшихъ севрюгъ и осетровъ. Всѣ остальные казаки, не занятые дѣломъ, лежали на травѣ, пригрѣтые вѣшнимъ, майскимъ солнышкомъ...

Вдругъ изъ обоза раздался испуганный голосъ. Одинъ изъ казаковъ, стоя на возу, и махая руками, кричалъ:

— «Братцы!... Бѣда!... Киргизы! Лошадей нашихъ Киргизы гонятъ!»

Кинулись казаки къ обозу, схватили оружіе, какое попалось подъ руку, и бросились на грабителей. Хорошо еще, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, по «гривамъ», раздѣленнымъ одна отъ другой водою. Оттого Киргизы не могли разомъ нагрянуть и угнать весь табунъ, а казаки тѣмъ временемъ успѣли приготовиться къ встрѣчѣ незваныхъ гостей. Нѣсколько человѣкъ съ винтовками засѣли въ кустахъ, на берегу, а остальные, вооруженные топорами и чекушами (*), начали съ гикомъ преслѣдовать Киргизовъ и гнать ихъ къ Уралу, на разставленную засаду.

Поняли Киргизы, что дѣло плохо, и бросились на утекъ. Но тутъ-то имъ и пришлось поплатиться за свой дерзкій набѣгъ. Казаки встрѣтили ихъ изъ кустовъ мѣткими выстрѣлами. Испуганные Киргизы торопились переплыть Уралъ, держась, по обыкновенію, за гриву или за хвостъ лошади, но и тутъ бѣда! Противоположный берегъ Урала, гдѣ имъ пришлось приставать, оказался слишкомъ крутъ, а подъ самымъ яромъ было топко, такъ что киргизскія лошади, утопая въ илѣ, долго не могли выбраться на берегъ. А между тѣмъ казаки на байдаркахъ неотступно преслѣдовали хищниковъ; «индо Яикушко (Уралъ) застоялъ, какъ нагрянули наши на басурмановъ», такъ разсказывали внослѣдствіи старики въ станицахъ.

Отчего же случилась такая оплошность, что Киргизы пробрались незамѣтно между разставленными казачьими пикетами? Въ томъ-то и дѣло, что въ тотъ день не было

пикетовъ за Ураломъ. Пикетнымъ казакамъ слѣдовало бы пробить на постахъ еще два дня, пока войско, т. е. рыболовы-казаки ушли бы внизъ по Уралу, за Кулагинскую крѣпость; но красноярскіе казаки понадѣялись, что Уралъ не сегодня, такъ завтра разольется словно море, и тогда не только верховому Киргизу не переплыть черезъ него, но и птицѣ не перелетѣть. По этому-то казаки и съѣхали съ постовъ раньше урочнаго времени, безъ позволенія приказнаго Ефремова, распорядившагося всѣмъ форпостомъ. По примѣру Красноярцевъ, тоже сдѣлали и Харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже Красноярскихъ, противъ своего форпоста. Такъ на цѣлыхъ двухъ промежуткахъ, отъ Красноярска до Харкинска, не осталось ни одного поста, чѣмъ и воспользовались Киргизы, задумавшіе угнать въ степь казачьихъ лошадей.

Набѣгъ Киргизовъ былъ отбитъ; казаки собрали своихъ разбѣжавшихся лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, чтобы присоединиться къ войску, т. е. къ своимъ остальнымъ товарищамъ, а между тѣмъ послали двухъ гонцовъ въ Красноярскій форпостъ, сказать, что «дескать на Уралѣ неблагополучно: Киргизы показались.»

Разсердился приказный Кузьма Семенычъ Ефремовъ, какъ услышалъ онъ про оплошность казаковъ. Тотчасъ же велѣлъ онъ сѣдлать лошадей, вооружаться и готовиться къ погонѣ за Киргизами. Хотя Киргизы и безъ того уже были довольно наказаны за свой набѣгъ, но Ефремовъ боялся, что въ войскѣ назовутъ его «сонгой» (соней), скажутъ, что Киргизы въ его участіи врываються на самарскую сторону, а команда вовсе не слушаетъ его.

— «Мало для насъ одного срама, что Киргизовъ прозѣвали,» говорилъ онъ, «видно еще надо вамъ, чтобы насъ трусами обзывали; сказали, что мы Киргизовъ боимся.»

Ефремовъ торопилъ казаковъ, и вскорѣ подъ его на-

(*) Большой молотокъ, которымъ глушатъ севрюгъ.

чалствомъ собралось до 30 казаковъ, почти весь комплектъ служащихъ казаковъ форпоста. Съ ними Ефремовъ переправился черезъ Уралъ, оставивъ при караульномъ домѣ, на часахъ, человекъ пять или шесть. Ефремовъ не забылъ также послать гонцевъ въ сосѣднія станицы: въ Калмыковскую крѣпость и Харкинской форпостъ, извѣстить тамошнихъ казаковъ, чтобы они выѣзжали за Уралъ, на помощь Ефремову и его командѣ.

Выбравшись изъ луговъ въ степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ своей командѣ. Оказалось, что всѣ казаки были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ, только одинъ Нефедъ Жадинъ оказался неисправнымъ: лошадь подъ нимъ была нехороша, тяжела на бѣгу, — просто на просто маштакъ, который годенъ только для ломовой работы, а не для погони за Киргизами. Нефеда забраковали и велѣли ему вернуться домой. Началъ было Нефедъ спорить и доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ, но его не послушали.

— «Молись, ребята,» сказалъ Ефремовъ, и снявъ шапку, перекрестился. Команда сдѣлала тоже самое.

— «Ну, теперь съ Богомъ!» И казаки, прижавъ къ луку, съ пиками на перевѣсѣ, понеслись за Киргизами.

Казаки скакали молча; все было тихо кругомъ въ степи, только конскій топотъ глухо отдавался, да по временамъ Кузьма Семенычъ командовалъ: «сдержи», когда находилъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: «принусти», когда находилъ возможнымъ усилить бѣгъ.

Вотъ вдали, въ степи, показалось словно бы небольшое облачко пыли: это Киргизы, завидя погоню казаковъ, старались скрыться отъ преслѣдованія на своихъ степныхъ аргамакахъ. По командѣ Ефремова, казаки развернулись въ одну линію (лавою), припали на луку и пустили ло-

шадей своихъ во весь карьеръ. Тѣ казаки, у которыхъ лошади были рѣзвѣе, стали ужь настигать Киргизовъ, и — какъ говорятъ казаки — неслись на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ еще попавшіе въ ратное дѣло. Не разъ настигали они непріятеля, — вотъ, того и гляди, ударятъ пиками... Но Киргизовъ ловко защищали два наѣздника, храбрые батыри, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ. Отдѣлясь отъ своихъ товарищей, одинъ вправо, а другой влѣво, эти наѣздники по временамъ оборачивались и быстро, съ пронзительнымъ гикомъ насккивали на казаковъ. Казаки придержать лошадей, укрѣпятся на стремени, обернутся лицомъ къ нападающимъ, чтобы ловчѣе отбить ихъ пики, но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казакамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ лошадей и мчатся вслѣдъ за своими товарищами.

Кузьма Семенычъ не спускалъ глазъ съ батырей и по временамъ ободрялъ молодыхъ казаковъ: «Вправо забирайте, ребятунки,» кричалъ онъ имъ, видя, что казачата, какъ новички въ ратномъ дѣлѣ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть приколотыми. Казаки, нападая на непріятеля, всегда стараются держаться правой стороны, потому что справа влѣво ловчѣе бить пикой. Для того же, чтобы ударить пикой слѣва вправо, должно изогнуться на лошади, а оттого ударъ всегда почти бываетъ неловокъ и невѣренъ.

Пока батыри сдерживали казачатъ, Киргизы употребляли всѣ возможные уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали сѣдельныя подушки, наметы, а иные, отстегнувъ на всемъ скаку подпруги,

обрасывали и самыя сѣдла. Но ни что не помогало, и съ каждой минутой казаки приближались къ Киргизамъ. Кузьма Семенычъ сталъ съ радостью замѣчать, что кони подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомились, а его доморощенный бурый конь, чѣмъ больше скакалъ, тѣмъ больше прибавлялъ бѣгу. Вскорѣ Кузьма Семенычъ сравнялся съ казачатами, а немного погодя, онъ опередилъ ихъ, и сталъ выбирать на котораго батыря удобнѣе напасть ему. Рядомъ съ Ефремовымъ, стремя въ стремя, скакалъ другой казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго вороной конь также сталъ разминаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— «Теперь нашъ чередъ,» сказалъ Ефремовъ Азовскову; «ты бери себѣ праваго батыря, а я возьму лѣваго.»

Семенъ Азовсковъ, рослый и сильный казакъ, вмѣсто отвѣта кивнулъ головою, припалъ почти къ самой гривѣ коня и кинулся на батыря. Но храбрый Киргизъ, видя, что ему не уйти отъ преслѣдованія, рѣшился на отчаянный, богатырскій подвигъ: онъ круто повернулъ коня назадъ и съ гикомъ устремился на Азовскова. Пики скрестились, и въ то же мгновеніе Азовсковъ, смертельно раненный въ голову, упалъ съ коня на землю. Но не спасся и батырь отъ мести казаковъ, раздраженныхъ смертью товарища: они насккали на Киргиза и приколотили его пиками. Въ это время и Ефремовъ успѣлъ пикомъ ссадить съ коня батыря, котораго онъ упорно преслѣдовалъ.

Приостановились казаки, перевязали Азовскову рану платкомъ, поймали его лошадь и снова помчались за Киргизами, которые тѣмъ временемъ успѣли уже ускакать далеко. Пора была казакамъ остановиться: они и то уже, вопреки войсковымъ постановленіямъ, зашли слишкомъ далеко въ степь. Но казаки хотѣли отмстить за смерть то-

варища, да кромѣ того надѣялись, что котораянибудь изъ командъ, харкинская или калмыковская, придеть къ нимъ на помощь. Между тѣмъ Киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человекъ изъ 20, направилась вправо, а другая, въ 30 человекъ, обскакавъ невысокій курганъ, круто повернула на лѣво. Киргизы хотѣли разединить силы казаковъ, но казаки не поддались обману: они всей командой пустились за одной изъ партій.

Снова преслѣдуютъ казаки Киргизовъ, и уже начинаютъ нагонять. «Вотъ скоро будетъ опять схватка,» думаютъ казаки, но Киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ. Подскакали казаки къ лощинѣ, и—остановились неволью. Вся лощина была уставлена киргизскими кибитками! Болѣе 400 киргизскихъ наѣздниковъ готовились встрѣтить нежданныхъ гостей.

— «Плохо!» подумали казаки.

— «Слѣзай съ коней, ребята!» скомандовалъ Ефремовъ.

Всѣ казаки тотчасъ же слѣзились; нечего было и думать о возвращеніи назадъ: это значило бы—идти на вѣрную гибель. Лошади казаковъ были сильно истомлены, и Киргизы, преслѣдуя ихъ на своихъ свѣжихъ лошадяхъ, могли бы всѣхъ, по одиночкѣ, переколотъ пиками. Поэтому казаки и рѣшились обороняться отъ Киргизовъ, укрываясь за лошадьми.

Попались добрые молодцы въ засаду!

Разомъ ринулось все киргизское скопище на неосторожныхъ казаковъ, но казаки не сробѣли и встрѣтили враговъ дружнымъ залпомъ. Человекъ десять киргизскихъ наѣздниковъ свалилось съ лошадей, а остальные въ испугѣ отхлынули назадъ. Киргизы, какъ и всѣ азіатцы, только съ перваго раза, сгоряча, нападаютъ храбро и стремительно; но если первая атака была неудачна, то они

не охотно рѣшаются атаковать во второй разъ. Такъ было и въ этотъ разъ, при нападеніи толпы Киргизовъ на горсть храбрыхъ казаковъ.

Немного погодя, Киргизы опять загибали и пытались было вторично, всей толпой атаковать казаковъ. Нѣсколько смѣльчаковъ выскакивали впередъ, кричали своимъ, чтобы они слѣдовали за ними, но толпа только шумѣла и весьма не дружно подвигалась впередъ.

Казаки вздохнули свободнѣе и ободрились. Припадая на колѣно, они стали, не торопясь, отстрѣливаться, цѣлясь преимущественно въ тѣхъ Киргизовъ, которые были вожаками, предводителями толпы. Вскорѣ нѣсколько бегеовъ было убито или ранено; въ числѣ ихъ палъ, смертельно раненный, самый старшій батырь, который не разъ храбро подсказывалъ къ казакамъ и стрѣлялъ въ ихъ кружокъ изъ своего ружья. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли въ него, но не могли убить или ранить, хотя пули и попадали въ батыря. Сначала казаки не мало дивились этому, а потомъ догадались, что у Киргиза подъ халатомъ надѣтъ панцырь, либо кольчуга. Тогда одинъ изъ самыхъ ловкихъ стрѣлковъ, казакъ Трифоновъ, изловчился и прицѣлился батырю въ голову. Какъ снопомъ свалился батырь съ своего коня, а Киргизы, напуганные мѣткими выстрѣлами казаковъ и смертью своего храбреца-батыря, прекратили нападенія и отступили шаговъ на сто отъ спѣшившихся казаковъ; они окружили ихъ со всѣхъ сторонъ словно стѣною, чтобы преградить путь къ отступленію, и стали издали безпокоить казаковъ стрѣльбою изъ ружей и луковъ. Правда, эти выстрѣлы приносили казакамъ мало вреда: стрѣлы киргизскія, за дальностью разстоянія, не всегда даже и долетали до казацкаго кружка, а если и долетали, то казаки успѣвали увертываться отъ нихъ; выстрѣлы же изъ фитильныхъ ружей, которыми были во-

оружены нѣкоторые Киргизы, были еще менѣе дѣйствительны: Киргизы берегутъ пороховъ, да и пули ихъ ни что иное, какъ круглый камешекъ, облитый свинцомъ, или даже, просто, обернутый листочкомъ свинца. Разумѣется, такіе пули не могутъ быть вѣрны при полетѣ; но все же выстрѣлы Киргизовъ приносили казакамъ не мало вреда, потому что казачьи лошади, въ которыхъ и мѣтили Киргизы, бѣсились, рвались и могли наконецъ разбѣжаться въ степь, оставивъ казаковъ совершенно открытыми.

Что было дѣлать казакамъ? Прошло уже часовъ пять или шесть, какъ атакованные казаки начали отбивать нападенія Киргизовъ, а команды изъ сосѣднихъ форпостовъ все еще не являются на помощь. Вотъ уже вечеръ насталъ и солнышко скоро зайдетъ, а помощи все нѣтъ. Рѣшились наконецъ казаки мало по малу, толпой подвигаться къ Уралу, безпрестанно отстрѣливаясь отъ Киргизовъ, неотступно слѣдившихъ за ними, и ведя за собою лошадей, «скошеванныхъ», т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. Киргизы надѣялись, что казаки сядутъ на лошадей, и помчатся къ Уралу, но казаки, наученные опытомъ, не дали въ просакъ. Они отступали пѣшкомъ, по прежнему прикрываясь связанными лошадьми. Уже стемнѣло, скоро и ночь наступитъ, а въ степи все тихо по прежнему; не слышно даже и отдаленнаго топота казачьихъ коней.

Вдругъ вдалекѣ, со стороны Урала показался верховой казакъ. «Наши, наши!» закричали обрадованные казаки, и громко прокричали «ура,» такъ что даже озадачили Киргизовъ, которые приостановились, думая, что казаки хотятъ броситься на нихъ въ атаку.

— «Постойте, братцы, радоваться,» грустно сказалъ Ефремовъ, взглядывая въ казака. «Вѣдь это Нефедъ Жадинъ!»

Дѣйствительно, это былъ тотъ самый казакъ, котораго Ефремовъ не взялъ съ собою въ погоню за Киргизами, забравъ его тяжелую и неповоротливую лошадь. Стыдно было Нефеду вернуться на форпостъ, — его засмѣяли бы товарищи, проходу ему не давали бы, и онъ рѣшился одинъ слѣдовать хоть издали за своими товарищами, чтобы по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ ними вернуться изъ степи на форпостъ. «Тогда, по крайней мѣрѣ, все же не такъ стыдно будетъ,» думалъ Нефедъ.

— «Ну, погибъ бѣдняжка Нефедъ,» сказали казаки, и дѣйствительно: человекъ пятнадцать Киргизовъ отдѣлились отъ толпы и бросились на оплошного казака. Нефедъ поспѣшно спрыгнулъ съ коня, припалъ на одно колено, выстрѣлилъ и ранилъ Киргиза; но остальные мгновенно окружили его и захватили въ плѣнъ. Казаки не могли выручить изъ бѣды своего несчастнаго товарища; для этого имъ самимъ должно было сѣсть на лошадей и скакать на помощь, но тогда-бы Киргизы толпой напали на казаковъ и перекололи ихъ пиками.

Киргизы связали руки Нефеду, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ товарищей, прощался съ ними, кричалъ имъ что-то, но отъ шума и крика казаки не могли разслушать его словъ.

— «Прощай, прощай, товарищъ!» кричали казаки Нефеду.

Прошло еще съ полчаса въ томительномъ ожиданіи; вдругъ вся толпа Киргизовъ начала поспѣшно садиться на коней, раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ и удалилась въ степь по разнымъ направленіямъ. Обрадовались казаки, да не мало и подивились этому. Они не могли понять: чего испугались Киргизы, что такъ бросились на утекъ. Только впоследствии, по показаніямъ мирныхъ

Киргизовъ изъ ближнихъ ауловъ, оказалось, что Нефедъ Жадинъ, допрошенный Киргизами, назвался передовымъ, посланнымъ отъ командъ другихъ казачьихъ станицъ. Онъ увѣрилъ Киргизовъ, что эти команды должны черезъ часъ, а много что черезъ два часа, прискочить съ Урала на выручку своихъ товарищей. Тогда-то Киргизы, которые не могли справиться и съ одной командой, тотчасъ же поспѣшно удалились какъ можно далѣе въ степь къ своимъ ауламъ.

А отчего же не прибыли на помощь казакамъ вспомогательныя команды: Харкеинская и Калмыковская? Да они понадѣялись, что Красноярцы и сами сдѣлаютъ развѣдаться съ Киргизами. Правда, они выступили изъ форпостовъ въ степь, на помощь, да только на другой день, рано поутру, когда Красноярцы возвращались уже въ свой форпостъ.

Н. Жел.—овъ.

ПОГОРНАЯ ДОЧЬ.

(Словацкая сказка.)

Въ Венгріи, у высокихъ Карпатскихъ горъ, обитаетъ немногочисленный славянской народъ Словаки, ближайшіе сродичи Чехамъ, населяющимъ Богемію, область Австрійской имперіи. Въ настоящее время всѣхъ Словаковъ считается не болѣе 3 милліоновъ. Но было время (слишкомъ 900 лѣтъ тому назадъ), когда и Словаки составляли обширное и

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.— КНИГА 12-я.

с ДЕКАБРЬ, 1874.

133-4

ПЕТЕРБУРГЪ

КИРГИЗСКІЯ ПѢСНИ

I *).

Путь жизни извилистъ, путь жизни невѣренъ:
Измѣнить лишь счастье—конца нѣтъ бѣдамъ!
Въ стремленіи къ небу будь, смертный, умѣренъ:
Съ земли не поднаться тебѣ къ небесамъ!

Кто счастливъ, тотъ счастью и смѣны не чаеъ;
Такъ конь плоховатый игривъ, пока сытъ,
Но глупое счастье лишь тылъ обращаетъ,
И горе за горемъ счастливцу грозитъ.

Настанетъ пора всѣмъ невздамъ, томленьямъ;
И смертный чего не извѣдалъ, глядишь!
Но, духъ мой, надѣйся на Бога, терпѣньемъ
Скорѣй, чѣмъ уныніемъ, жизнь облегчишь!

II.

Едва показавшись, ты скрылся изъ глазъ,
И я лишь тогда оцѣнила,
Насколько тебя, другъ, любила!
Тоскуя въ разлуку, постигнувшей насъ,
Слагаю я пѣсенки вновь
Про старую нашу любовь!

*) Съ подстрочнаго перевода, сдѣланнаго султаномъ Сейдалинымъ II-мъ.

День ясный еще догорѣть не успѣлъ,
Какъ я, другъ, съ тобою разсталась;
А сердце уже стосковалось,
И взоръ мой влюбленный во слѣдъ все глядѣлъ,
Знать свыглась душой я съ тобой,
Что слезы ватятся рѣкой!

И все передъ взоромъ твой образъ стоить,
И слышится говоръ любовный,
Гляжу вдоль дороги я ровной—
Устану глядѣть—и слезами облить
Платокъ—твой подарокъ! Его
Цѣлую съ тоски одного!

Мой милый, такъ вотъ какъ теперь я томлюсь!
На свѣтѣ едва ли другою
Любимымъ ты будешь, какъ мною!
Безумно, какъ бабочка, къ свѣту стремлюсь,
Чтобы, какъ она, можетъ быть,
Себя на огнѣ погубить.

П. Р.

Оренбургъ.

